

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1603069>

Трудно быть Локи

Направленность: Слэш

Автор: [Kaoru13th](https://ficbook.net/authors/8982) (<https://ficbook.net/authors/8982>)

Фэндом: Тор

Пейринг или персонажи: Торки

Рейтинг: R

Жанры: Драма, Фэнтези, POV, AU, ER (Established Relationship)

Предупреждения: **Инцест**

Размер: Мини, 16 страниц

Кол-во частей: 3

Статус: **заморожен**

Описание:

Время в Асгарде шло своим чередом, проходили годы, десятилетия, сотни лет, наполненные самыми разнообразными событиями - войнами, свадьбами, смертями, предательством, верностью, убийствами и всем чем угодно иным, что, в конце концов, исказило личность Тора Одинсона до неузнаваемости и обязало-таки взойти на престол, а его брата Локи, возможно, временно, но стать одним из его советников. Ни на минуту не забывая обо всём, что успело между ними произойти.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Надеюсь, звукоподражание имени в названии очевидно)

Джейн к тому времени давно померла, такова её судьбина.
ещё о Локи:

Локи и Ронан Обвинитель - "Come and get your love" - <https://ficbook.net/readfic/5274566>

Локи подросток / взрослый Тор - "Satiriazis" - <https://ficbook.net/readfic/757057>

Халк/Локи (Локи/Беннер) в "Хоки-хоки" - <https://ficbook.net/readfic/439052>

Локазавр во всей фанонной красе - "Шлюха непорочная" - <https://ficbook.net/readfic/533086>

"Выйду с Локи ночью во двор. Басня (а точнее - песня) с моралью" - <https://ficbook.net/readfic/281274>

Тор/Локи, низкий рейтинг - "Хмель" - <https://ficbook.net/readfic/270763>

о Томе Хиддлстоне:

Харди/Хиддлстон - "Зверь" - <https://ficbook.net/readfic/6095546>

Хэмсворт / Хиддлстон, омегаверс - "Он и его кот" - <https://ficbook.net/readfic/458081>
персонажи приходят к актёру "Я - твоя мания, твоя личная маленькая шизофрения" - <https://ficbook.net/readfic/873123>

Руффало / Хиддлстон - "Не произноси этого вслух!" - <https://ficbook.net/readfic/645299>
про розыгрыши - "Мстители" - <https://ficbook.net/readfic/272003>

ТОС

ТОС	2
1. Господин любовник короля.	3
2. Одинокий странник.	14
Примечание к части	16
2. Великий Бог.	17
Примечание к части	20

1. Господин любовник короля.

Мой брат ворвался в залу, в которой я в тот момент находился, буквально пылая от гнева, и с порога громогласно заявил:

- Это твоих рук дело?!

Я в ту же секунду поднялся, собираясь ответить, но он перебил меня:

- Молчи, я знаю, что твоих! Больше никому бы в голову не пришло!

- Прошу прощения, - сдержанно, не ведаясь на провокации, пробурчал я, поджимая губы, - Я могу узнать...

- Нет, ты не можешь узнать! – вновь перебил Тор, - Молчи! Не говори ничего! Иначе... я разнесу тут всё... по камешкам! – он остановился, напряжённо выдыхая, - Ты ведь притащил эту свору в замок!? Ты? – он махнул рукой на окно.

На самом деле, всё это означало лишь то, что в замок прибыли приглашённые мною гости – представители дружественных народов, и отказать им значило бы посеять семя сомнения в крепости нашего союза. Брат мой, как мне казалось, понимал это, но принимать их не желал, возможно, у него были на то причины. Однако я не мог этого позволить, поэтому от его лица, но без его согласия, устроил всё сам. И, честно говоря, я не предполагал, что произошедшее так его взбесит.

Скорее всего, подумалось мне, он недоволен не самим решением, а тем, что его принял я, к тому же слишком открыто пойдя против его мнения. Впрочем, я был уверен, что ничего ужасного не произошло. Он непременно пошумит ещё какое-то время, может быть, даже погрозится наказанием, но рано или поздно успокоится. Поворчит, подёргается, но смирится и успокоится.

Тем не менее, что бы там ни было впоследствии, пока его ярость не знала границ. Мне оставалось только глотать его грозные оскорбления, стараться не слишком вздрагивать от резких движений и пытаться хоть немного успокоить и убедить в своей правоте.

Я зажмурился, осознанно нарушая его запрет, и произнёс, ожидая новой вспышки агрессии в любую секунду:

- Я... - мне почти физически больно было говорить с ним, но, сделав над собой усилие, я продолжил, - Я решил, так будет лучше, - быстро окончил я.

- Ты решил? – обернулся он от окна, - Напомни мне, что Я по этому поводу сказал? Каков был МОЙ приказ?!

- Никого не... - я старался говорить ровно, не реагировать на его бешеный ор в свой адрес, - Никого ни в коем случае... Но...

Тор рывком снёс с подставки вазу с цветами, обрушивая и вазу, и подставку на пол.

- НЕТ!! – заревел он, как разъяренный медведь, - Никаких приёмов не будет! Я приказал никого не пускать!

- Но мой господин... - робко начал я.

- Прекрати это!! – рявкнул он, - Мы здесь одни!

- Но вы сами приказали вас так... - попытался напомнить я.

- Ты пойдёшь и разберёшься с этим, ты выводишь их отсюда! И впредь все мои приказы должны выполняться безоговорочно! Все отчётливо слышали, ты стоял рядом и тоже прекрасно слышал, что я сказал! Думаешь, это смешно?!

Честно говоря, я действительно думал, что его бурный гнев по поводу моего самоуправства некоторым образом выглядел забавно, но у меня и в мыслях не было это продемонстрировать. Я стоял перед ним с абсолютно серьёзным и даже немного испуганным лицом, поскольку даже мне было неизвестно, на что он способен в таком скверном расположении духа.

- Нет, я не так думаю, мой господин... - заверил я.

- Я вижу, что ты не думаешь! – уцепился он за мои слова, - Вообще ни о чём не думаешь! Заявляя всем о моей неспособности принимать решения самостоятельно! Я – король! Ты знаешь, чего мне это стоило! Это был не мой выбор! Но никто не имеет права спорить с моими решениями! Ни ты, ни кто другой!!

- Я не...

- Да замолчи уже! – он всё ещё кричал, но было ясно, что понемногу он начинает сдавать позиции, - Отправляйся! Сделай то, что должен.

- При всём уважении, мой господин... Я не могу.

Он оживился, медленно поворачиваясь ко мне.

- Я сказал: пойд и разберись с этим, - произнёс он, и в его размеренной интонации угадывалась подступающая к его горлу новая волна ярости, - Согласно тому, что я велел. Я помолчал несколько мгновений, облизывая сухие губы. Я ждал от него чего-то вроде «Быстро!», но он ничего не сказал, замерев в напряжённом ожидании, и я смог продолжить.

- Вам виднее, господин, - проговорил я, - Но позвольте оставить, как есть; это совершенно не стоит вашего внимания, вас это не затронет и вам ничего не потребуется делать. Просто позвольте им остаться на пару дней, выразив тем самым признательность за верность, и всё будет в порядке. Я никогда не стану больше вам перечить. Прилюдно. Прошу меня простить, я поступил опрометчиво. Больше это не повторится. Даю слово.

Я поднял на него взгляд: что теперь, смягчится и уступит или оглушит бранью? Вид у него был по-прежнему пугающий; что бы он ни решил, мне не оставалось ничего, кроме ожидания.

- Не повторится? – спросил он, оглядывая меня.

- Нет, - мотнул я головой, опуская глаза к столу.

Подействовало?

- Который раз я это слышу? – слегка нахмурился он.

И я понял – плохо моё дело, он всё ещё злится. Прикрыв глаза и признав небольшое поражение, я приготовился к гневной тираде в свой адрес.

- И ты будешь продолжать решать за меня? - спросил он.

- Нет, - буркнул я.

- Я что, должен вывести тебя на площадь и выпороть розгами, чтобы ты, наконец, понял?

- Если угодно, - пожал я плечами.

- Или приковать тебя к стене в зловонном подземелье, оставить там по колено в гниющем месиве, не в асгардской тюрьме, а в таком месте, куда не отваживаются соваться даже крысы, жрущие падаль? И держать там, пока ты не поймёшь, что можно делать, а чего не следует?

- Мой господин, - подал я голос, - Я всего лишь хотел поправить ваше решение.

- Наплевав на него?

- Ни в коем...

- Исправь то, что сделал и мы об этом забудем.

- Мой господин, Тор, это моя ошибка, но ваше решение могло бы...

- Уходи, - бросил он, отвернулся и направился к окну.

- Как вам угодно, - согласился я, поднимая со стола свои свитки.

- Оставь, - искоса глянув на меня, сказал он, - Это тебе не понадобится, - и, заметив моё небольшое недоумение, он уточнил, - Вон из замка. Убирайся.

- Куда же я... - вырвалось у меня, - Куда же я пойду? – не столько меня интересовал

ответ на вопрос, сколько я хотел этим удивить брата.

- Куда угодно, - не очень-то удивился он, - Просто убирайся. Они останутся, а ты убирайся вон, уходи, куда хочешь, и не смей больше попадаться мне на глаза никогда. Я замешкался. Всё-таки не каждый день тебя прогоняют с глаз долой с уточнением «никогда».

- Ещё здесь? – спросил он, не слыша моих шагов, - Поторапливайся. Иначе я велю, чтобы тебя проводили.

Он оглянулся.

- Ну!? – он повысил голос, и я невольно отшатнулся, - Вон отсюда!

Я вышел из-за стола, прошёл через залу за его спиной и вышел. Кажется, он ещё что-то крикнул мне вслед, но что именно – я не разобрал.

Первые несколько мгновений я честно подумывал о том, чтобы действительно выполнить то, чего он хочет. Уйти, куда глаза глядят. И тогда...

Я вздохнул.

Разумеется, никуда я не уйду. Разве могу я оставить его? Конечно, нет. Без меня он не справится. Уверен.

К тому же, даже если и был приказ, никто, кроме меня, его не слышал. Да он бы и не позволил, чтобы такое услышал кто-нибудь, кроме меня. Он мог сказать это только наедине, будучи полностью уверенным, что никто не узнает об этом.

Что мне оставалось делать? Я отправился в дальние, почти необитаемые комнаты и залы, чтобы переждать там грозу. Своих покоев в замке у меня давно уже не было. Была наша с ним комната, проще говоря – спальня, где обычно спал я и, если он приходил к ночи, то спал и он. Всё остальное было его. Он мог войти куда угодно, если считал нужным. Так и случилось однажды, когда я, не желая никого видеть, закрылся в своих бывших комнатах. Ему это не понравилось. С тех пор никаких "своих комнат" у меня не было. Была лишь возможность уйти подальше, туда, где ему было бы слишком обременительно меня искать.

Я был поблизости.

Если быть точным, я прятался за выступом стены, пользуясь тем, что край гобелена удачно скрывает мою тень, и слушал назойливую ругань своего брата. Он снова был чем-то недоволен и не стеснялся высказывать это в исключительно прямой форме кому-то из военачальников, находящихся с ним за одним столом. Я ждал, пока все уберутся и Тор останется один.

Почти два дня я бродил по замку, словно призрак, таясь от знакомых, и узнавал новости, общаясь исключительно с прислугой. Весть о том, что король якобы отослал меня... куда подальше на неопределённый срок распространилась чрезвычайно быстро. Но, что бы там ни было, никаких приказов на этот счёт король не давал. Это были только слухи. Впрочем, они ясно давали понять всем, кто обладал хоть какой-то смекалкой, что случилось и почему.

Тем не менее, я старался всегда быть рядом с ним. Не показываясь, но и не оставляя его надолго в одиночестве. Кто знает, что могло с ним случиться? Вот и сейчас, не сказать, что я находился в очень удобном положении, однако присматривать за ним из-за угла было куда лучше, чем пускать дело на самотёк.

Кончилась трапеза тем, что мой дорогой король изрядно напился. Честно слово, когда-то

я даже и не подозревал, что мой брат, прекрасный златовласый принц, может так напиваться. Нельзя сказать, что с той поры он как-то особенно изменился внешне. Но вино даже его, такого гордого и прекрасного, подчас превращало в абсолютнейшую свинью. Так случилось и на этот раз. Выпив, он принялся спорить, а начав спорить, ударился в ругань. В конце концов, поборогозив как следует с сидящими за столом мужчинами, он выдворил их из залы. Так у них с некоторых пор повелось. Ужин, выпивка, споры едва ли не до рукоприкладства, возможно, небольшая драка, в после – вновь братья и друзья.

Меня по обыкновению они в свои распри не втягивали. Шутка ли, сам... я. Брат короля. Хотя, если честно, тот факт, что я прихожусь ему братом, играл наименьшую роль. Стоило этому дураку Тору пару раз окрыситься на рыпнувшегося на меня смельчака, как всё встало на свои места. Брат. Если бы! Все всё знали, просто помалкивали. Да если бы и не помалкивали – ничего страшного в этом я не видел. Они всё равно относились бы ко мне ровно с тем же уважением. Разве что звали бы меня не «господин брат короля», а «господин любовник короля». Может быть, они и подразумевали второе, говоря первое?

Когда все покинули Тора и угомонились, я замер, прислушиваясь.

Брат поднялся на ноги – видимо, он был не настолько пьян, насколько хотел казаться – и прошёл в сторону балкона. Туда, где прятался я. Вряд ли он догадался о моём присутствии, просто хотел вдохнуть свежего воздуха. Он остановился в паре шагов от меня, но, как я и подумал, ничего не заметил. Я слышал, как он топчется рядом и шумно дышит, и хотел выйти к нему. Сказать: «Вот я, мой король». Но я молчал и продолжал бесшумно сидеть в своём укромном уголке.

- Где этот... - проговорил он, судя по всему оборачиваясь к кому-то из вошедших слуг. Тор вернулся в залу, шагая большими шагами.

- Где Локи? – спросил он у слуг.

Те, выказав своё справедливое недоумение, попытались напомнить королю, что, вероятно, я по его же желанию покинул замок. Бессильно рыкнув, Тор оставил слуг в покое, позволил им заняться уборкой, а сам отправился вон.

Я, тем временем, выбрался из укрытия, проходя мимо слуг, жестом велел им молчать, и выскользнул за дверь следом за братом, успевшим уже убраться куда-то по витиеватым коридорам замка.

Посчитав, что он, скорее всего, отправился в спальню, я пошёл туда же, надеясь найти его там.

Дверь была не заперта. Я вошёл – в комнате никого не было, однако, заметив на полу брошенные братом вещи, я сделал вывод, что он был здесь только что и лишь ненадолго вышел.

Я прошёл вглубь спальни, к окну, сел на прохладный подоконник, утыкаясь виском в край окна, и, втянув край портьеры на колени, стал бесцельно теревить узелки на её бахромке. Брат не заставил себя долго ждать. Он появился в спальне, прошёл к постели и, кажется, даже меня не заметил. Он наклонился к лампе, погасил её, и упал на простыни на спину.

Я посидел некоторое время, молча взирая на него, облитого ночным светом.

Насмотревшись, я спрыгнул со своего пьедестала, откидывая портьеру, и подошёл ближе к кровати.

Он перевёл на меня взгляд. Что он мог увидеть в темноте, когда единственный свет – из окна – находился у меня за спиной?

Я потянулся к плечу и принялся расстёгивать пряжки на своём сложного кроя воротнике.

Тор, по прежнему не говоря ни слова, показательно подвинулся к своему краю кровати. Я ласково улыбнулся, заметив это. Тор, какой бы свиньёй он ни был, угрюмо, едва заметно, но всё же улыбнулся мне в ответ.

Сняв одежду, я опёрся коленом на кровать, скользя по ткани, опустился поверх своего короля и лёг, удобно устроившись на его груди.

- Я специально подвинулся, - сказал он тихо, - Чтобы освободить тебе место.

- Здесь, - я погладил его по груди, имея в первую очередь в виду то, что буду продолжать лежать на нём, сколько вздумается, - Моё место.

Он, оценив сказанное, довольно погладил меня по волосам. Я приподнялся и поцеловал его. Как всё-таки от него тянет вином... Следовало мне тоже выпить, чтобы не чувствовать разницы.

Ответив на мой поцелуй, и осознавая, что всё возвращается на круги своя, Тор обхватил меня за шею, за плечи и, в итоге, уложил на спину. Кажется, это была его любимая поза. Поза моего смирения с его превосходством. Если в жизни он никак не мог избавиться от назойливой мысли, что ему так и не удастся меня превзойти, то в постели он доказывал обратное с завидным постоянством.

Он говорил, ему нравится мой взгляд в этой позе. Когда я смотрю снизу вверх. На него, короля, благосклонно дарящего мне свою любовь. Мой взгляд, брата и любовника, благосклонно принимающего его не самую простую любовь.

Он развёл мои колени, позволил обнять, и после вошёл в меня.

Я помнил то странное время, когда он был неуверенным в себе принцем, даже растерянным, робким, пугливым. Он любил женщин, а после и женщины полюбили его. Как долго это продолжалось? Теперь он – ни больше, ни меньше – король, его сложно чем-то испугать, если ему предлагают – берёт сразу, если хочет – его ничего не остановит. И теперь под ним я. И внутри него – тоже я. У него в голове. Даже если он пытается обмануть себя, изо всех сил отрицая это.

- Мой гос... Тор!

- В чём дело?.. – он приостанавливается, он обеспокоен, значит, и вовсе не пьян?

- Подожди, - прошу я единственно затем, чтобы почувствовать собственную власть над ним.

- Что-то не так?- спрашивает он, наклоняясь к моему лицу.

Я слегка вздрагиваю, и он замирает.

- Локи?

- Ничего... - я расслабляюсь, выдыхая, вновь позволяя ему двигаться.

Подумать только, два дня меня не было, а он уже так присмирел! Неужели, чувствует себя виноватым? Хотя да, конечно, конечно, чувствует себя виноватым. Всё то была его вина, из-за которой ему пришлось сорваться на меня, хотя я и не был ни в чём толком виноват. Это сердило его ещё больше. Что я получил выговор, не сделав ничего дурного. Но он может сколько угодно на меня злиться за свои промахи... Его мечу по-прежнему нужны хорошие ножны. И он это явно демонстрирует, терроризируя мои несчастные внутренности своими нападками.

А когда он закончит, вытечет в меня весь, рухнет рядом, отлежится, тогда он мне скажет, кто я для него на самом деле. Ему просто нужно для этого немного успокоиться. Моему беспокойному нервному брату.

Я ощущаю, как содрогаются его мышцы, как ему нравится то, что он чувствует. Он доставит мне удовольствие, а после станет нежным и трогательным, как котёнок. Я смогу тогда делать с ним всё, что угодно. Хотя, думать так, значило бы не признавать очевидного, того, что и он со мной может много чего сделать, и я ему это позволю, не

смотря на его испорченный нынче характер.

Он, кажется, ждал два дня. Неужели, ни с кем? За всё время, пока меня не было? Боги, брат... Ты действительно никого не успел захотеть?

Мне ведь тоже это нравится.

Я шумно дышу. Глажу его влажную спину, подставляюсь, дразню его, даже улыбаюсь, сам распаляясь, срываясь на стоны. Или не срываясь, а выдавая их осознанно, ему в удовольствие. И ещё затем, чтобы слышали, чем он тут со мной занимается и как долго он этим занимается. И как мне наплевать, что об этом могут подумать.

Представляю, как завтра я буду стоять рядом и чуть позади него, гордо восседающего во главе стола... Он будет делать вид, будто я для него ничего не значу. Кое-кто станет загадочно улыбаться, глядя на меня. Мне льстят эти взгляды, и я отвечаю на них такой же улыбкой. Скрывать мне нечего. Иногда я даже киваю, сообщая, что этим утром король удовлетворён, всё в порядке, можете не беспокоиться, я его успокоил. Интересно, знает ли Тор об этом?

Он чрезвычайно напрягается. Вспоминая о своей способности превращаться в грязных животных, он стискивает зубы. Я предпочитаю не смотреть на него, когда он такой, просто чувствовать, получать своё удовольствие, предвкушать то, каким мягким и беспомощным он скоро станет. Если бы он вздумал в это время прокряхтеть моё имя, я бы, наверное, крепко вlepил ему по лицу. Но он, слава богам, лишь добивается удовлетворения, выплёвывает что-то среднее между стонами и предсмертными хрипами петуха с переломанной шеей... И кончает. И, как только это происходит, я получаю негласное право развалиться по нашей постели. Она безраздельно моя, до тех пор, пока он не оклемается и не придёт в себя.

Он понемногу отходит, начинает дышать ровнее, и, выпустив меня из хватки, опускается рядом со мной. В самом деле, ложится так, будто кровать в мгновение ока стала моей собственностью, а его я в неё пускаю истинно по доброте душевной. Единственное, что он себе позволяет в такие моменты – это использовать мою руку или плечо в качестве подушки.

- Тебе не холодно? – шепчет он, съёживаясь и поджимая свои королевские ножки.

- Немного, - отвечаю я снисходительно.

Он послушно ныряет за одеялом и укрывает нас, ужасно вымотанных, мокрых и грязных, одеялом. И снова занимает позицию на моём плече.

Остыв, замёрзнув и вновь согревшись под одеялом, он отваживается обнять меня.

- Где ты был?.. – спросил он.

- Когда? – не открывая глаз, поинтересовался я.

- Когда пропадал в последние дни.

- О-о... - протянул я, - Я старался не попадаться тебе на глаза никогда...

- Ты знаешь, почему я это сказал, - в его голосе почувствовалось недовольство, но оно тут же невероятным образом превратилось в обыкновенную мелкую обиду.

- А что мне было делать? – я глянул на него из-под ресниц, - Перечить я тебе не мог.

Согласиться с тобой – тоже. Что было делать?

- Так ли важно это было, Локи?..

- Поверь мне, да.

- Думаешь, важно?

- Стал бы я иначе спорить?

Он, убеждённый в том, что сам во всем виноват, наконец-то, замолчал.

- В другой раз, - начал он, тем не менее.

- ...прислушивайся ко мне.
 - Нет. Смолчи. Даже если я не прав, просто смолчи.
 - В другой раз, мой господин, слушайте, что вам говорят, - настоял я, имел на это право, да и он выглядел таким виноватым, что едва ли стал бы оспаривать, - Я всегда тебе советую. Я твой советник, если ты забыл.
 - Официально я запретил своему советнику вмешиваться...
 - Хорошо, - согласился я, прижимаясь к нему и поднимая его ладонь, обхватив её своей, - Допустим, я бы не вмешался...
 - Ло-оки, - сжав мою руку, умоляющим голосом проныл он.
 - Знаешь, что ты должен был сделать? – спросил я.
 - Ну..? – недоверчиво спросил он.
 - Во всеуслышание заявить, что принял другое решение. И всё. И ничего иного не требовалось.
 - Было слишком поздно для этого.
 - Ты король. Для тебя не может быть поздно.
- Он недовольно фыркнул.
- Я не собирался принимать другое решение. Всё. Хватит.
 - Хочешь сказать, я был не прав?.. – спросил я.
- Он помолчал, борясь с желанием активно выплеснуть своё раздражение, но в последний момент удержался от порыва.
- Я поднимусь с кровати, возьму кочергу от камина и мы продолжим прошлый спор, если ты не уймёшься, - многообещающим тоном сказал он.
 - Меня это не пугает, - сообщил я, отворачиваясь от него и ложась на бок, отбирая у него своё плечо и лишая любимой подушки.
- То, что я сказал, было правдой – угрозы на меня действовали плохо. У меня была одна слабость, надавив на которую можно было заставить меня что-то делать, но, поскольку этой слабостью был сам король, то у него не оставалось на руках козырей. Заставлять меня, угрожая самому себе, было бы непрактично. Поэтому он изменил тактику. Он осторожно обнял меня за талию, прижался к моей спине и сказал:
- Пусть это было вызвано необходимостью, - и мне стало ясно, что он признал поражение, что было для меня приятным знанием, - Но понимаешь, в какое положение ты меня поставил?
 - Да. В этом смысле поступок скверный, - согласился и я, - Вышел боком нам обоим. Я обещаю больше не совершать подобных. Но, можешь мне не верить, я не знал, во что это выльется.
 - Я отстраню тебя от службы, - сказал он и поцеловал меня в плечо, - Такой недальновидный советник мне не нужен.
 - Нужен, - оспорил я, - Надеюсь, что ещё нужен...
 - Не на службе, - прижимаясь щекой к моей шее, проговорил он.

Однажды напившись пьяным, он спрашивал меня, почему я до сих пор остаюсь при нём. Он никогда этого не понимал, но спросить отважился лишь порядочно захмелев. Это было давно. Но уже тогда он был не подарок. Он спрашивал, как я могу по-прежнему быть с ним – неоправданно воинственным, с каждым днём всё более диким и грубым, отвратительным иногда в своей гордыне и тщеславии. Он недоумевал и злился, просил оставить его, забрать с собой всё, что посчитаю нужным

и уйти, куда пожелаю. Он настаивал на том, что я живу в замке, как пленник, что он, король, лишает меня личной свободы, а я не достоин такого обращения. Он продолжал пить, не позволяя остановить его, и с каждой минутой жалость ко мне и злость на самого себя охватывала его всё сильнее, тем больше от того, что я, несмотря на его стенания, просьбы и даже угрозы, всё ещё находился рядом, боясь оставлять его одного.

Тор допился до того, что, ощутив абсолютную безысходность, разрыдался на моих коленях от вопиющей жалости и несправедливости собственных действий по отношению ко мне, я же пытался его утешить, нашёптывая ему обо всём том хорошем, что даровал мне наш союз... Разумеется, не обо всём. Более всего в первую очередь я сосредоточился на восхвалении его великолепного королевского члена, плавно перейдя на абстрактные и оттого куда более сложные для понимания в его текущем положении, чем член, понятия. Я рассказывал ему о том, как он бывает со мной нежен, о том, как он заботится обо мне, не всегда осознавая это сам, как соглашается с моими советами, выдавая их за свои, как стремится мне угодить... Я смог немного успокоить его своей болтовнёй, и это уже было неплохо. Вид сильного мужчины, короля и моего брата, цепляющегося за мои ноги и желающего непременно целовать их в своём приступе самобичевания, заставлял меня чувствовать неловкость, в большей степени за него. Я передёргивал плечами, заставляя себя думать, что и так тоже бывает, и гладил его по голове, шепча свои глупости. Разговаривал с ним, как с маленьким мальчиком, по десять раз переспрашивая у него самые простые вопросы, бормотал ему на ушко о том, что он самый-самый, целовал его волосы и тихо вздыхал. Пока он вновь не принимался за свой прерванный монолог.

От него пахло остро – вином, жареным мясом и ещё какой-то гадостью, напоминающей аромат железа, соприкасающегося с тёплой кожей. Он был горячим, как сам огонь, и тяжёлым. Пока лежал на моих коленях неразумной башкой – приятно тяжёлым. А вот если приходилось тащить его на себе – тогда уже не слишком приятно тяжёлым...

Мне нравилось обхватывать ладонями его светлую голову, прижимая пальцы к его коже над скулами, ближе к вискам. Тогда я чувствовал бег его крови, хрупкость его черепа, рельеф его кожи, его будущих морщин. Каким он будет, спустя тысячи тысяч лет? Я это знал. Он будет великолепен. И, что кажется мне вполне возможным, будет так же убиваться с горя на моих коленях, будучи таким же беспробудно пьяным...

Он говорил мне, что это я, а не он должен был стать королём... Я не стал объяснять ему, что так оно, по сути, и есть. Все мы умнеем рано или поздно. Если, конечно, успеваем до этого дожить.

Я сказал ему только то, что я останусь с ним. Что он должен продолжать обо мне заботиться, защищать меня и позволять помогать ему с его... бременем правления. И, если он пообещает мне делать это, я буду с ним. И, даже если не пообещает, - тоже. Я сказал ему, что, независимо от его желания и, невзирая на его приказы, я был и всегда буду свободен в своих решениях. Он не понял, что я имею в виду. Я помянул Хель, и он сейчас же разозлился, запретив мне говорить об этом. Я обнял его и позволил ему продолжать злиться и страдать дальше, пока не протрезвеет.

Существовал ещё один аспект наших с ним отношений, о котором мы оба старались не распространяться. Но когда кто-то пытался недвусмысленно намекнуть мне о новом возможном увлечении моего брата, я лишь только пожимал плечами, допуская подобное, но едва ли веря в это. Я кивал, отшучивался, но не принимал слов о его неверности

всерьёз. Даже если он и развлекался с кем-то ещё, это определённо были случайные и единичные происшествия.

Почему я был так уверен? Потому что он неизменно приходил ко мне и требовал. Стал бы он с таким постоянством эксплуатировать первого советника, появись у него кто-то ещё, настолько же занимательный, как я? Если кто-то такой у него действительно был, то я готов подняться и стоя поаплодировать коварству и, главное, выдержке своего короля, так искусно обставляющего свою безукоризненную ложь.

Обдумав это однажды, я более никогда не возвращался к этим мыслям, мне попросту было не слишком удобно думать о таком с его членом во рту.

Да. Я отсасывал ему. Постоянно. Сначала только в постели, потом не только в постели, а потом – везде и всегда, когда бы он ни пожелал. Мы могли просто идти по коридору, обсуждая что-то невероятно далёкое от наших отношений, и вдруг он затаскивал меня куда-нибудь за очередную дверь и ставил на колени.

Он дожидался, когда нас оставят одних, и, когда дверь за последним из присутствующих закрывалась, ждал несколько мгновений, обхватывал меня за шею, другой рукой приспускал брюки. Я наклонялся к нему за столом и, не говоря ни слова, принимался за дело. Когда ему хотелось отвлечься, когда он был возбуждён, когда его охватывало внезапное нежное чувство ко мне – я сосал ему, безропотно признавая это одной из своих обязанностей. Правы будут те, кто посчитает, что некоторые из своих привилегий я получил за свой умелый язык. В точности так оно и было.

Но так, разумеется, было не всегда. Я прекрасно помню первый его приказ подобного рода. Стоило ему осознать, что он сделал, как он тут же кинулся извиняться и обещать, что этого ни в коем случае больше не повторится. А я осторожно признался ему, что это было неплохо. Он мне не поверил, но, по прошествии времени, не удержался и снова заставил в приказном порядке доставить ему удовольствие, а после, как водится, рассердился на себя за малодушие и вновь потратил массу времени на извинения. Так или иначе, подобная практика укоренилась. Временами он начинал ругать себя за то, что позволяет себе так со мной поступать, но чаще, он просто пользовался мной, а с некоторых пор, в качестве извинений стал использовать заманчивые обещания. Честно говоря, моим членом он также не брезговал, но позволял себе непосредственный контакт с ним только ночью, в нашей спальне, так что можно было сказать, что сосали-то мы оба, а вот выгоду из этого научился извлекать только я.

В том, что он пил время от времени были свои плюсы. Но тот момент, когда он, находясь в моём обществе, начинал трезветь, мне неизменно не нравился. Я определял его безошибочно, впрочем, не нужно было обладать особой гениальностью, чтобы это выяснить. Почти каждый раз это начиналось с одного и того же вопроса, иногда завуалированного под что-нибудь отстранённое, иногда прямого.

- Локи... Ты любишь меня? – спрашивал он.

И я начинал показательно шуршать постельным бельём, звенеть посудой, ёрзать на стуле... Он видел, что я не хочу отвечать, но не отставал.

- Ты любишь меня? Локи, любишь?

Чего я только ему на это не отвечал. Отвечал «нет». Он спрашивал «почему?»

- Потому что ты свинья, - говорил я иногда прямо.

- Я больше не буду так вести себя, Локи... Локи, почему? Почему нет? Что мне сделать, скажи? Чего ты хочешь?

- Чтобы ты заткнулся, - бурчал я.

Иногда я отвечал по-другому. Обычно после занятий любовью, утомившись и почти

засыпая в его объятьях.

- Ты любишь меня?..

- Да, - бросал я.

- Скажи.

- Да, да.

- Скажи, что любишь.

- Я люблю вас, мой господин... - мямлил я.

- Нет, не так. Ты знаешь, как я прошу.

- Не знаю... - в полусне отвечал я.

- Скажи «я люблю тебя».

- Я люблю тебя.

Он понимал, что, как будто, добился своего, но почему-то от моих слов он не получал ожидаемого удовлетворения. После этого он или печально вздыхал или, если у него ещё оставались на это силы, продолжать донимать меня.

Было так, что он смешил меня. Тогда ответы звучали в разы искреннее.

- Скажи мне честно, как есть, - настаивал он.

- Отпусти мой член, будь добр, - просил я, не открывая глаз.

- Я лишу тебя его, если мне не понравится ответ.

- Ты этого не сделаешь, - начинал посмеиваться я, - От него одного в твоей руке мало пользы.

- А мне плевать.

- Мой король сегодня так безнадёжно груб...

- Отвечай, первый советник, иначе...

- Мне больно. Перестань.

- А так?

- Так лучше...

- Хочешь, чтобы я продолжил делать так – говори.

- Нет, ты продолжай, а я, быть может, скажу...

- Немедленно. Сию секунду. Говори мне, что ты меня...

- Я тебя... - улыбаясь, повторял я.

- Любишь.

- Люблю, - на выдохе оканчивал я.

- И ещё... – он слушал моё молчание и добавлял, - Я всё ещё готов отрезать его! – угрожал он.

- Люблю! – спешил сообщить я.

- Я хочу, чтобы ты продолжал говорить это. Пока я его не отпущу. Говори, что любишь меня!

- Я люблю тебя, - бормотал я между вздохами, не вкладывая в слова особого смысла, - Люблю тебя. Я люблю тебя. Люблю... Я тебя... люблю...

С этими словами на губах я испытывал удовольствие. Они действовали на него, как заклинание. Но, всё же, услышав даже сотню признаний, он поворачивал к себе моё лицо и, недоверчиво глядя мне в глаза, говорил:

- Посмотри на меня и скажи это ещё раз.

Я не колебался, делал, как он велел и, как говорящая птица, снова повторял:

- Я люблю тебя.

Иногда он внезапно этому верил. Тогда он менялся в лице, лез обниматься, целовал мою шею и шептал:

- Локи... Мой хороший... Мой ласковый. Мой Локи...

Часто в такие моменты он просил прощения. За что именно, он не уточнял, просто повторял «прости меня, прости» и сжимал меня в объятьях так сильно, что я еле мог вздохнуть.

Отпустив слуг, которые помогали ему одеться, Тор возился, собственноручно завершая процесс облачения, сидя на неубранной постели. Я вошёл в спальню и, видя, что король испытывает затруднения, пытаюсь застегнуть застёжки около шеи, подошёл и, опустившись на колени и убрав его руки, решил застегнуть их за него. Он, качнув бровями, уложил руки на колени и позволил мне сделать это. Справившись со своей задачей, я почувствовал, как брат поглаживает пряди моих волос, касаясь края моего уха. Я сложил руки в замок, опираясь на колени, и поднял на него взгляд. Мне показалось, он хочет, чтобы я взял в рот.

- Нет, нет, - остановил он, приподнимая моё лицо пальцами.

Я сдержанно усмехнулся – с кем не бывает, мог и не угадать.

Он обхватил мой подбородок, подтягивая к себе. Я приподнялся с колен, следуя за движением его руки, и подставил губы под его поцелуй. Пока он целовал меня, я опёрся рукой на его колени. Он почти сразу отстранился от меня, взглянул на меня, мягко отвёл в сторону, поднялся с кровати, поправил одежду, подёрнув плечами, и царственно пройдя по спальне, вышел. Я выпрямился, поднимаясь на ноги, и направился за ним.

2. Одинокий странник.

Однажды я всё-таки исчез. Не абсолютно, нет, я отправился в дальнюю дорогу по соседним мирам — они всегда манили меня, но вырваться из круга постоянных событий не представлялось мне возможным. Поэтому в один прекрасный день я просто не явился на собрание совета. Ушёл, ничего никому не сказав. Просто исчез.

Я ничего не сказал и королю, не по злому умыслу. Скажи я ему — путешествие стало бы невозможным. Поэтому я сохранил всё в тайне, и, чтобы оставаться последовательным и спокойным, не оставил никаких записок или писем с объяснениями. Если Тор был хоть немного таким, каким мне нравилось его считать, он должен был всё понять.

Моё путешествие затянулось надолго.

Не имея подчас возможности к быстрому перемещению, я долго и упорно преодолевал огромные расстояния шаг за шагом; я отыскивал тайные пути и тропы, любую возможность двигаться дальше, и это занимало время, которое я мог посвятить размышлениям и осмыслению прошлого.

О многом — важном или посредственном — я думал в течение своего пути.

Чего мне стоила гибкость принятых решений, лёгкость, с которой я отвергал принципы, как постепенно склонялся я перед упорством и честолюбием коронованной особы, насколько позволял ломать себя, перемалывать свою личность, выстраивать заново, менять по его желанию. Сколько унижительных приказов я выполнил, вынес наказаний, сколько стерпел глупостей, сколько выслушал необоснованных умозаклучений. И не напрасно.

Он никогда не был объектом подобной хитрости, но, когда я увидел потенциал в наших отношениях, я позволил ему окунуться в самые глубины моего лукавства.

Почему я так упорно добивался признания такого, как я его описываю, твердокаменного недалёкого ублюдка? Я мог бы долго потешаться над его недостатками, но, если говорить серьёзно, он единственный, кто достоин меня.

Потому я так долго возился с ним.

Я не признался бы ему в этом, но мне было с ним интересно. Мне был интересен наш король.

Я наблюдал всех тех женщин, которые зажигали в нём пламенную страсть и вводили его в прочие не слишком одухотворённые состояния. И женщины имели свойство оставлять его в одиночестве. Тогда он впадал в долговременное отчаяние, убивался от горя, клялся, что никогда больше никого не полюбит, но потом всё начиналось сначала. И мне странным образом казалось, что он каждый раз говорит мне этим: «Смотри, Локи, я снова счастлив, как тебе это нравится?».

Видя моё с этим благожелательное согласие, он наполнялся желанием стать ещё более счастливым вне моего общества, разомлеть от своего нежного чувства до предела и... боюсь даже предположить, но — заставить меня ревновать?

Хорошо, я смотрю, — вздыхал я про себя, — Продолжай.

Как-то раз Тор решил, что его следующей по счёту женщиной суждено стать мне.

Не в том смысле, что он планировал принуждать меня к чему-то. Он просто совершенно внезапно вообразил, что наши отношения могут быть похожи на те, к которым он привык. Он организовал своему безумному плану романтический фон, принял по отношению ко мне позицию защитника и покровителя, придумал ряд причин, в силу которых я стал для него привлекательным, и стал искать взаимности. Короче говоря, он влюбился. Честно, без расчёта и без логической составляющей.

Тогда он ещё совершенно не был свиньёй. Он был королем в сияющих доспехах, с не менее сияющими идеями и глазами. И, чтобы не томить высокопоставленную возвышенную особу неизвестностью, я велел ему сейчас же проваливать в Хель вместе с его омерзительной мне влюблённостью.

Возможно, это был слишком сильный ход, и мне не стоило так сразу пребольно кусать льва за хвост, но мной завладел азарт. Это тоже не был никакой расчет; к сожалению, чувства и надо мной в тот момент взяли верх. Я не смог с собой совладать. Это было очень глупо, но слишком приятно. И я чуть было всё не испортил своим заявлением — теперь он мог делать выводы о том, что он на самом деле для меня значит. Думать о содеянном было слишком поздно, и я приготовился к тому, чтобы, в случае чего, спокойно принять поражение. Но я не принял во внимание одного обстоятельства — сообразительности Тора. Он ничего не понял. То, что мне казалось очевидным, мимо его сознания промелькнуло незамеченным.

Тор решил, что мне и в самом деле неприятна его затея, это подарило мне возможность всё исправить. Я нашёл выход в восхвалении его исключительности. Я заставил его поверить, что осуждаю подобные предложения, однако... Однако из любого правила есть исключения. И его притязания точно укладываются в одно из таких исключений. Этим признанием я поразил его в самое сердце. А я сделал вывод, что получилось даже лучше, чем я изначально задумывал. Он перестал считать меня своей новой женщиной, в полной мере ощущая себя избранным Великими Богами для осуществления особой миссии.

Кроме того, твёрдо решив, что он единственный во всех мирах мужчина, способный снискать мою благосклонность, он ощутил ещё большее удовольствие от перспективы обладания мной, что не заставило себя долго ждать, поскольку тянуть с этим я не планировал. Он получил от меня пару нечаянных поцелуев, полных смятения и нежного трепета, как полагается — сошёл с ума от вихря охвативших его чувств, а, спустя некоторое время, в традициях его лучших романов, смог насладиться моим (не сказать, чтобы очень располагающим к этому) телом под покровом ночи в моей собственной спальне. Тогда он ещё оставлял за мной право иметь собственную спальню...

Как он воспринял моё исчезновение? — думал я, — Ждал ли, что я вернусь?

Пробовал ли он искать меня, когда понял, что нет? Волновался ли он? Думал ли, что меня мог кто-то похитить — из желания отомстить или ради выгоды. О чём-то он думал, после того, как я перестал быть рядом с ним.

О чём он думал в первые ночи, когда почти наверняка хранил мне безукоризненную верность, может быть, испытывал недовольство, но верил, что я рано или поздно тихо проберусь по ковру, скину на пол одежду и позволю заключить себя в объятия, а уж он сумеет отыгаться на моём несчастном теле за долгое и мучительное ожидание. А потом я снова буду его любить — как он думает — и почитать. Поскольку, само собой разумеется, нет для меня ничего более желанного, чем горячий и влажный королевский жезл, пронзающий недра моего только ради этого и созданного тела. И всё между нами будет сказочно. Не без доли насилия, агрессии и алкоголя... Но всё вернётся в привычное русло.

Думаю, моё отсутствие его разозлило, может быть, даже опечалило. Может быть, он делал попытки искать. Или старался быть равнодушным. Или даже стал им в итоге.

Закрыв рукавом голову, я в который раз поправил ткань, защищавшую глаза от порывов сухого обжигающего ветра, то и дело щедро осыпающего меня полупрозрачным

покрывалом серебристого песка. Поправив сумку за плечом, я снова взял в руку длинную деревянную палку, отшлифованную прикосновениями моей ладони, и скользнул с гребня дюны вниз.

Песчаная буря была близко. Я должен был во что б это ни стало успеть до её начала.

Примечание к части

давно написана, но так и не была окончена. Решил выложить, как есть

2. Великий Бог.

Я не знал, кто я и откуда. Мне казалось, я всегда был здесь, среди ледяных ветров, обжигающей металлом воды, снега; бесконечных снежных полей; и я всегда был один. Я видел огромные раскалённые шары в небе. Два или три. Они двигались сами собой, не обращая внимания на то, наблюдаю ли я за ними... Хотя я не знаю, оставались ли они на месте, когда я не наблюдал. Я не знаю, существовал ли мир тогда, когда я закрывал глаза. Вполне можно быть, что нет. Мира не было, пока я на него не смотрел.

Я не знал, как долго я есть, как и то, почему мои глаза кажутся мне чужими. Меня никогда не оставляло ощущение того, что со мной что-то не так. Изю дня в день я был собой и кем-то ещё. Этого второго я никогда не знал, но он был во мне и я его боялся. Изю дня в день я приходил к белому берегу, изломанному большой чёрной водой, границы которой уходили вдаль, упираясь в дно и стены мира. Изю дня в день я ловил в воде существ, чтобы питаться их мясом, чтобы пить их пресную кровь. У меня были тонкие сети, которые я изготовил сам, у меня был огонь, подвластный моим тёмно-голубым пальцам, у меня была одежда, согревающая во мне того, второго, который не был потомком льда и ветра.

Я смотрел, как раскалённые шары движутся над моей головой, отмеряя равные доли моего существования. Их братья отражались в большой чёрной воде, переплетаясь и смешивая свои цвета, и я любовался этим смешением изю дня в день.

Когда я спал, то видел сны; просыпаясь, я их не помнил. Но каждый раз просыпаясь, я чувствовал тягостное ощущение, которое недвижимо, словно затаившийся около жертвы зверь, нависает над моей головой, принося боль и пустую надежду на то, что я вспомню нечто настолько важное, что сам себя готов буду возненавидеть за это.

Боль обманывала, боль ничего не показывала мне; я мог знать, благодаря ей, что я о чём-то забыл, но больше я об этом не спрашивал. Боль уходила, я чувствовал облегчение. Я почти никогда не спрашивал. Мне было достаточно того, что я есть.

Но в один из дней стоя на берегу чёрной воды я увидел что-то такое, что заставило моё сердце забиться сильнее. Что-то приближалось к моему берегу по воде, и, хотя это меня пугало, я оставался стоять и смотрел на это.

Я понял, что там есть существа. Странные, облачённые во множество одежд, но живые. Они были в доме на воде и отталкивались от воды длинными руками. Дом был тёмный, почти как чёрная вода. В доме были скамьи и под ними хранились вещи.

Когда существа достигли берега, я почувствовал, что должен остаться и быть с ними, пока они не придут ко мне. Существа ступили на мой берег. Их было один, ещё один, и меньшие: их было так же, как больших.

Маленькие смотрели на меня со страхом, пока я их разглядывал. Самый крупный из них протянул мне руку, словно боясь, что я могу уйти. Я смерил его взглядом. Самый крупный тогда снял одежду со своей головы и я увидел, что его лицо такое же, как моё. Его кожа такая же синяя, как и моя. Его глаза такие же чужие, как мои.

Я захотел подойти ближе. Существа чуть отпрянули, но выстояли. Я хотел посмотреть на меньших из них, но большой остановил меня и встал на колени.

— Кто вы? — спросил я, прямо взглянув на крупное существо.

— Мы дети твои, — сказал большой, выдыхая белое.

— Что вам нужно? — спросил я тогда.

— Благословение.

Я повернулся к чёрной воде, чтобы посмотреть на неё: там был водяной дом. Я повернулся к существам, чтобы посмотреть на них. Я прошёл мимо большого, стоящего на коленях в моём снегу, чтобы увидеть меньших.

Я протянул к ним руку. За ними стояла их мать. Она велела им коснуться моей руки — Кто я? — спросил я у детёнышей.

— Великий Бог, — ответила за них мать.

— Что такое Бог? — я рассматривал свою руку, которой коснулись меньшие существа.

— Не понимаю... Я — сила, создающая жизнь. Я — суть вещей. Я — всё. Я — бог?

— Да, Великий, — сказал самый крупный.

— Вы можете быть здесь, — позволил я. — Вы можете есть мою пищу, пить кровь моих существ из чёрной воды.

— Это будет нашим благословением? — подобострастно спросили существа.

— Это будет... — я приостановился, размышляя. — Моя пища и кровь моих существ из чёрной воды.

Сказав это, я тут же забыл о присутствии существ. Я подошёл к самому краю льда и посмотрел в глубину: чёрная вода показала мне моё лицо.

Мои дети похожи на меня, но на их головах не было костяной боли, вьющейся в небо. Их лбы были гладкими. Я их такими создал. Мне хотелось видеть детей счастливыми. Если они мне не лгут о том, кто я.

Кто я? Металлический привкус во рту? Существо из чёрной воды? Боль? Холод? Ледяной огонь? Кончики моих пальцев? Кто я?

Я смотрел на тёмный дом. Он был как сложенные ладони с водой.

Внезапно дом вспыхнул. Вода стала синей. В доме лежал мёртвый. Он держал в руках белый металл. Мёртвый на дне дома. Горячий. Кровавый. Дикий. В ужасе, я вздрогнул. Я забыл, как дышать. Сделал неверный шаг назад, оступился. Я упал в снег. Я смотрел и смотрел на тёмный пустой дом на чёрное воде. Я боялся того, что видел.

Существа давно покинули меня.

Я был один в снегу, я пытался согреться у ледяного огня и не мог. Мне казалось, мои руки становятся мягче — от чего? Я не понимал. Я потирал их одна о другую, пытаюсь согреться. Я ощупывал лицо, и мне казалось, я чувствую новую боль от металла в моём лице, словно моя кожа, край моего носа, мои резные пластины, мои камни, все мои украшения обжигают меня.

Мои глаза источали неведомую мне влагу. Мне было страшно. Я не знал, чем это способно закончиться. Я не мог надышаться. Я не мог согреться. Боль на моей голове сжала всё внутри тугими петлями.

Когда я опустился на колени, боль заставила меня уронить голову, а из моего рта сочилась кровь моих существ. Чёрная, как вода. Я стоял так, пока мог себя помнить. Потом я упал и перестал быть. Может быть, я спал, может быть, умер. Может быть, поцелуи существ были отравлены.

Однажды я появился. Надо мной были шары из огня.

Я поднял над собой руки: холодные, синие, жёсткие, мои. Я глубоко вздохнул, протягивая руки к костяной боли. Я с благодарностью коснулся её ладонями. Я чувствовал себя вновь спасшимся.

Я слушал себя и услышал что-то извне. Что-то звучало из снежной пустыни, давая о себе знать. Мне пришлось подняться. Прячась за камнями, я направился в глубину пустыни.

Там было большое животное, каких я не видел. Я не боялся его, я знал, что с животным я

мог договориться. Но оно вдруг упало. Вдруг умерло. Я не понимал, что я вижу. Почему? Из-за снежных гор появились существа, которых я никогда раньше не видел. У них были палки, у них был металл. От них пахло выстоянным питьём. Я замер, стараясь не выдать себя, но существа всё равно стали смотреть в мою сторону.

«Боль, » — догадался я.

Они заметили то, что над моей головой. Боль предала меня.

Забыв о том, чтобы спрятаться, я опрометью бросился бежать. Моё сердце колотилось, как ледяной пожар на ветру. Я бежал по снегу, не разбирая дороги.

Они поймали меня за шею. Я сопротивлялся, я не хотел идти с ними, но мне было трудно дышать. Я хотел сказать им, но они не понимали. Они не были злыми, просто не понимали, что забирать других нельзя. Они меня забрали.

Мне было страшно.

В их мире не было снега, льда, воды и огненных шаров. В их мире было много существ и было очень ярко. Слишком много для глаз.

Они не были злыми, но не снимали верёвки с моей шеи. Они кормили меня своей едой.

Они хотели меня касаться — я давал им руки, но не больше. Они поили меня выстоянным питьём.

Они хотели, чтобы я был одет, как они, чтобы я иногда облекал водой своё тело и чтобы приподнимал краешки губ, не показывая того, что под ними. Я делал, как они хотели.

Ещё я делал живыми их умерших животных, и им это нравилось. Я видел радость на их лицах.

Пребывая в этом новом мире, я стал понемногу забывать тот, ледяной, в котором я видел странные сны. Боль странным образом утихла и, глядя на себя в отражение, я видел лишь, как красиво она изгибается над моим лбом, и как сам я себе нравлюсь в этой нелепой одежде, подражая своим новым хозяевам.

Моим новым хозяевам нравилось со мной играть, и они приносили мне для этого игрушки. Я не знал, что это было. Что такое они мне приносили. Эти... камни? Эти существа? Но я брал их из рук хозяев и пытался разобраться сам, что это. Хозяева смеялись, они показывали мне, как пользоваться камнями или существами, что это и зачем. Я не всё понимал, но всё равно делал. Мне просто нравилось, что они смеялись.

Один был молодой и смеялся громко.

Если бы во мне изменить всё — то был бы он.

В нём не было синего, а был красный или жёлтый, как горячий огонь, который я видел в их очагах. На его лице было тоже. Красное, жёлтое. Это было внутри его лица: я касался его лица руками, я точно это знал. Даже его глаза были горячий огонь. Я любил смотреть на него, пока он со мной играл.

Я позволял ему трогать костяную боль, и он гладил её изгибы пальцами. Я покорно это терпел.

Я появился в один из дней в их мире, и тогда Огонь был там же. Я захотел его рук, и он отдал их мне. Я пришёл, и он подпустил меня. Я держал Огонь в своих руках. Он был горячим, не таким, как я и мои дети, другим. Я был богом, я был всем, и всё было мной, но до сих пор я не держал такого огня в руках.

— Кто ты? — проговорил я, не надеясь на разумный ответ.

Он засмеялся, ничего мне не ответив. Он по-прежнему меня не понимал, но он сделал что-то. Он прижался губами к моим губам. Потом он прекратил это и я взглянул на него своими ярко-алыми глазами.

Он становился всё меньше жёлтым и всё больше красным, стоя рядом. Я должен был попытаться повторить, и сделал то же, что он. Это было то, что ему понравилось. Он странно смотрел на меня, словно очень сильно хотел мне что-то сказать, но не знал, как это сделать. Я приподнял уголки губ для него, и он стал похож на сонного детёныша. Потом он ушёл. Больше ничего такого со мной не случилось и со временем я забыл о произошедшем.

Я оставался в клетке.

Верёвка на моей шее из гибкой стала жёсткой и металлической и мне самому стала казаться моим новым украшением. Металл не был тяжёлым, он не имел запаха или вкуса, он был красивым. Цепочка, держащая меня в клетке, была искусной. Она напоминала мне костяное сплетение и не казалась условием моего заточения. Она тоже была красивой. Окружённый подобными вещами, я чувствовал себя особенным.

Я мог видеть их мир сквозь камень, я смотрел на него из своей полутьмы и изучал его. За камнем я видел, что есть очень много других, похожих на моих хозяев, существ. Может быть, у кого-то из них был такой же как я бог в клетке. Если бы я только знал, кто я такой. Почему я бог? Для чего я нужен? Если бы я знал, я смог бы найти других.

В одну ночь я вернулся в себя, когда услышал множество существ. Они кричали по-своему и приближались к моей клетке.

Я сбросил мягкие шкуры, которыми мне позволяли укрывать себя. Я встал и подошёл к самой решётке. Свет ослепил меня. Я слышал шум существ. Почувяв запахи выстоянного питья, я подумал, что знаю, зачем они здесь. Хозяева иногда позволяли смотреть на меня другим, если я выходил к ним.

Кто-то ударил по прутьям моей клетки. Кто-то смеялся, но мне такой смех совсем не нравился. Это был вязкий смех. Мне всё не нравилось, но я стоял у решётки, презрительно глядя, и готов был начать обтачивать боль о стену, когда я вдруг осознал, что вижу нечто знакомое.

Я фыркнул, как водяная лошадь. Передо мной лишь несколько неприятных мне существ. Что же мне показалось в этом? Где было то знакомое, почему оно рассеялось?

Вспышка возникла перед моими внутренними глазами.

Водяной дом на чёрной воде... Асгард. Зал. Мёртвый. Вальхалла.

— Вальхалла, — прошептал я вслух, вдруг что-то припомнив.

Я бешеным взглядом осматривался вокруг себя, силой удерживая ускользящее воспоминание. Я снова фыркнул, я поднял взгляд. На меня в дрожащем свете нескольких свечей точно так же, как и я, пристально вглядываясь, смотрел мужчина, стоявший по ту сторону решётки. Судя по его лицу, он был поражён. Едва сумев совладать с собой, он подошёл ближе.

— Локи?.. — произнёс он в повисшем молчании.

— Тор? — спросил я, в высшей степени удивляя себя знанием его языка.

— Дядя? — испуганно вскрикнул Огонь, в ужасе уставившись на меня.

— Торсон? — метнув в него взгляд, изумился я не меньше, чем он.

Я хотел сказать ещё что-то, но почувствовал, как моё горло сжалось, как звякнули все мои украшения, я услышал скрежет собственных ногтей о прутья решётки и — я в который раз перестал существовать.

Примечание к части

итащидевор.